

человек, покачав седой головой, безразличным голосом сообщил, что о такой шахматистке за десять лет работы в клубе ничего не слышал...

Его ответ меня очень расстроил. В это время я только что завершила работу над шахматной сказкой «КРАЙНЯЯ ПЕШКА». Теперь мне стало ясно, почему я посвящу это произведение.

КОММЕНТАРИЙ:

О себе могу сказать: писательница Лидолия Никитина состоялась не только благодаря А.С. Пушкину, но и шахматам! Этот вид спорта не только привил усидчивость, но и развил логическое и абстрактное мышление. Он воспитал во мне бойца, что означает умение достойно отвечать на вызовы противника, каким бы самоуверенным тот ни был; не падать духом при поражениях; уметь мобилизовывать силу воли для исправления допущенных ошибок, а главное, подарил постоянное стремление к самосовершенствованию!

Вот почему я желаю нынешней молодежи относиться к шахматной игре как к одной из непременных помощниц во многих жизненных ситуациях, особенно связанных с творчеством!

Помощница

Я – четырехлетняя девочка с огромными портновскими ножницами в бледных маленьких ручках – приснилась себе перед рассветом 22 июня 2000 года.

А накануне, перед тем как лечь спать, возилась с одной из папок, мучительно пытаясь, придумать «стержень», на который смогла бы «нанизать» интересные эпизоды для новой книги. Провозившись с рукописью допоздна, отправилась спать.

А теперь вернемся к сновидению. В нем я, малышка, подошла к оставленным вечером на стуле папкам. Сняла с них свои любимые ножницы, потом открыла верхнюю папку и обнаружила в ней исписанный листок. Покрутила его со всех сторон, но, не найдя в нем ничего интересного, тут же усилась на коврик перед столом и начала, ловко орудуя тяжелыми портновскими ножницами, вырезать ажурные салфетки. Мама их ласково называла «вырезушками».

Из своего сегодня за действиями малышки я наблюдала с большой тревогой: ведь она портит страницы новой рукописи! Откуда ей было знать, что теперь я – писательница, а это – не бабушкины бумажки из ненужных ученических тетрадей?

Белокурая девочка, не догадываясь о моем присутствии, продолжала безжалостно срезать края листов, превращая их в круг. Вначале я испугалась за рукопись, но вдруг меня, осенило:

– Эта девочка мне явилась не случайно, но зачем?

Вместо ответа раздался звонок будильника. Я

открыла глаза. За окном было светло, часы показывали семь утра, значит, пора вставать и собираться за работу.

По дороге в ванную чуть не уронила стул с папками. Наверху этой пирамиды почему-то оказались бабушкины портновские ножницы. Откуда они тут взялись, ведь я отлично помню, как несколько дней назад вынесла их за ненадобностью на балкон и оставила в ящике с инструментами.

А вечером почти без помарок сочинила вот этот рассказ. Правда, к героине-девочке моя фантазия добавила еще и мальчика, которого в моем детстве не было. Удивляться тут нечему, ведь я не описываю подлинные факты биографии, а даю волю воображению! Когда же моя очередная фантазия написана, не всегда могу отделить вымысел от подлинных событий. Думаю, что и читателям интереснее узнать, что за рассказ у меня получился, чем гадать: так ли все происходило на самом деле?

При этом следует помнить: чем ничтожнее реальность, в которой живет писатель, тем богаче его фантазии, а не наоборот...

И еще цитата Виктора Шкловского по этому же поводу:

«Это не фантастика, а не увиденная другими реальность».

«МАЛЬЧИК-НОЖНИЦЫ»

Рассказ

У меня есть друг, с которым, согласно семейному преданию, мы познакомились в самом начале Великой Отечественной войны: наши семьи жили в большом дворе, квартиры находились рядом, мамы дружили. В силу житейских обстоятельств частенько нас с Колей оставляли вдвоем, чтобы мы не скучали в отсутствии взрослых. Мне в то время едва исполнилось три годика, а Коле было шесть.

Неизменными спутниками того тяжелого времени были голод, холод, бесконечные людские очереди за хлебом, керосином, куском хозяйственного мыла... Эти невзгоды встречали всех младенцев, большинство из которых были зачленены еще в счастливые довоенные годы.

Ни лакомствами, ни нарядной одеждой, ни игрушками малыши военного времени не были избалованы, но само ДЕТСТВО не осознавало сложностей военного лихолетья и развлекало само себя как умело.

Именно поэтому моими первыми и запомнившимися игрушками стали мамини шахматы и бабушкины ножницы. Соседский мальчик Коля тоже любил возиться с бумажными поделками, однако тематика сюжетов у него была иной: танки, пушки, корабли, животные... Вот так, часами мы развлекали друг друга, пока наши близкие мерзли в очередях, отоваривали хлебные и прочие карточки, распродавали на барахолках «остатки прежней роскоши»...

Свои бумажные творения в ожидании взрослых мы частенько выставляли на подоконнике, прислонив к стеклу на радость бегающей по двору детворе, которая весело комментировала понравившихся собачек, ежиков, куколок...

Как-то у Коли очень здорово получился бумажный танк, который он, прежде чем выставить

Лидолия в 6 лет

на обозрение, раскрасил зеленым карандашом и пририсовал на броне большую красную звезду. И тут кто-то из взрослых, задержавшись возле нашей оконной витрины, с восхищением воскликнул:

– Здорово, Мальчик-ножницы!

Рама у нашего окна была одинарной, поэтому все уличные разговоры были отлично слышны. Мне после возгласа прохожего – «Мальчик-ножницы» – тоже так захотелось называть своего дружка.

После окончания войны мы с мамой переехали к папе-астроному в Душанбе, какое-то время жили втроем в служебной обсерваторской квартире. Но основная папина работа была в горах, где находилась полевая обсерватория, в которой имелся небольшой астрономический телескоп. Когда папа приступил к работе в горах астрономом-наблюдателем, мама отправилась вместе с ним в крошечный высокогорный таджикский аул, а меня бабушка забрала в Ташкент.

После возвращения из Душанбе я узнала, что «Мальчика-ножниц» теперь в соседней квартире нет, там поселилась другая семья. По рассказам бабушки, Коля отлично учился, а его мама при случайных встречах на улицах с моими родными всегда гордилась успехами сына.

Хотя мы жили не слишком далеко друг от друга, однако детьми встретиться нам так и не довелось...

Лидolia с бабушкой, 1951 год, Ташкент

Зато когда я закончила учебу в университете, и стала не только журналисткой, но еще и начинающим писателем, встреча с Николаем состоялась! Она произошла в Ташкентском издательстве художественной литературы, куда по совету коллег-журналистов я отнесла свою первую рукопись. Блуждая по бесконечным коридорам издательства, вдруг замерла перед кабинетом, хозяином которого оказался друг моего военного детства – «Мальчик-ножницы»! Конечно, если бы не табличка на двери с его именем и фамилией, ни за что не признала в солидном мужчине с голубыми глазами и шапкой рыжеватых кудрей шестилетнего Колю.

Не буду пересказывать междометий, вызванных нашей встречей спустя тридцать лет. Главным в этом общении было то, что Николай Алексеевич, бегло перелистив мои литературные «поделки», улыбнувшись, предложил:

– Лидolia, оставь мне рукопись! Дома я внимательно ее почитаю, потом решим, как быть дальше. Ты все еще живешь у бабушки?

– Да, но ее самой давно нет...

– Прости, я забыл, мама мне рассказывала, что была в гостях у Лидии Александровны незадолго до ее смерти... А тебя я сам навещу в ближайшее время, обсудим все в спокойной обстановке, заодно навещу уличку, где прошло наше с тобой военное детство. Ах, как давно это было!

Пока мы еще что-то вспоминали, около кабинета главного редактора издательства собрались несколько дам бальзаковского возраста.

Я, под впечатлением от встречи, дабы перевести дыхание, присела на свободный стул, стоящий напротив кабинета друга детства, и стала свидетелем разговора двух хорошо знакомых по телеэкрану поэтесс:

– Представляешь, он вырезал едва ли не половину стихов из моего сборника, одобренного уважаемыми коллегами по поэтическому цеху! Я возмущена! Потакать причудам этого бесцеремонного «редакторишки» не собираюсь!

– Правильно! – поддержала ее собеседница.

Слово «вырезал» мгновенно вернуло меня в детство. Я тут же представила, как весело «хрумят» Колины ножницы, вырезая ненужное из рукописи крикливой авторши, возмущенной «хирургическим вмешательством» уже не «Мальчика», а «Дяди-ножницы». Слово «мальчик» к известному в республике писателю и главному редактору солидного издательства явно теперь не подходило.

Через неделю «Дядя-ножницы» пришел, как и обещал, по хорошо знакомому адресу обсудить мою рукопись. Я провела гостя в крохотный кабинет, устроенный из половинки балкона. Быстро расчистив середину стола от пухлых папок с набросками, указала гостю на кресло, а сама примостилась рядом на узком топчане и с тревогой стала ожидать «приговора» в отношении моего творения. Но Николай не спеша осмотрелся, пробежал глазами корешки книг, размещенные на узких полках в оконном проеме, и лишь после этого раскрыл видавший виды огромный портфель. Из него гость извлек папку с моими миниатюрами, ножницы и небольшую бутылочку клея. Затаив дыхание, я наблюдала за каждым его движением. Папку с моей рукописью Николай почему-то раскрывать не стал, а вместо этого попросил разрешение просмотреть стопки набросков.

В эти мгновения сердце мое гулко стучало в висках назойливыми молоточками, кончики сцепленных пальцев заледенели, а на лбу пропустила испарина...

– Странно, зачем Николаю понадобились наброски? И почему он молчит по поводу готовой рукописи? Ладно, подожду, что будет дальше, – наблюдала за Николаем, думала я.

А дальше последовала просьба освободить топчан – гостю потребовалось место, куда можно разложить страницы для редактирования. Я вышла из тесного кабинета и уже из спальни некоторое время наблюдала за его действиями.

Николай не спеша стал просматривать листы с

забросками миниатюр, с какими-то незавершенными фразами, зачеркнутыми вариантами чего-то неполучившегося... Просмотрев таким образом приличное количество страниц, он разделил их содержимое на три стопки и буркнул себе под нос:

– Слева «Начало», потом «Середина», а справа – «Конец», лишь после этого раскрыл мою рукопись. И ее тоже разделил на три стопки, как и черновые листы. После этого принялся вклеивать в подготовленный мною к изданию текст какие-то строчки из черновиков, где-то менял последовательность страниц, что-то добавлял, ненужное выкидывал в мусорную корзинку...

Поняв, что мое присутствие Николаю только мешает, отправилась на кухню готовить ужин. Потом несколько раз заглядывала в кабинет, но Николай моего присутствия не замечал: он находился в особом сосредоточенно-вдохновенном состоянии! Когда я вернулась к гостю, чтобы пригласить его на ужин, услышала:

– Очень кстати сам автор пожаловал! – радостно воскликнул Николай, передавая мне бутылочку с kleem. Затем последовали одна за другой его четкие команды:

– Этот абзац вклей на пятнадцатую страницу сверху! Отлично! А эта строчка должна подкрепить авторскую мысль в самом конце миниатюры. Верно, именно тут ей место! А вот эта фразочка явно украсит эпизод с сорок пятой страницы – теперь у нее будет новое «место жительства»!

После трехчасового совместного «редактирования» ножницами мою рукопись было невозможно

узнать. За работой время мчалось стремительно. Когда была вклеена нужная фраза на последнюю страницу, оба с явным облегчением вздохнули. А я, вспомнив про остывший ужин, принялась торопить Николая отведать моей кулинарии.

Когда гость уже затемно ушел, поспешила к письменному столу, но прежде чем раскрыть явно потолстевшую папку с миниатюрами, навела порядок на столе и топчане: подняла бумажные клочки с пола, очистила переполненную мусорную корзину и распахнула настежь окна. Лишь после этого с каким-то особым благоговением принялась за чтение исправленной другом рукописи.

Я узнавала и не узнавала свои миниатюры, настолько они стали монолитными, без «длиннот», с яркими неожиданными концовками.

Содержимое сборника «Два шага, чтобы встретиться», в который вошло всего пятьдесят две миниатюры из ста, первоначально в него включенных, на сей раз показалось мне драгоценностью, побывавшей в руках опытного мастера – ювелира слова!

СТРЕЛА

Узнавать себя прежнюю в каждом новом дне – значит жить. Присесть на скамейку, которой прежде не замечал, – уж не значит ли это стареть?

...Летит стрела, выпущенная из лука. Достигнет ли цели?

В каждом новом дне я встречаюсь с собой прежней. Каждый новый день делает меня другой.

А стрела всё еще летит...

